

О.И. Молкина
ВОКРУГ СВЕТА ЧЕРЕЗ ВЛАДИВОСТОК.
УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ПЕТРОГРАДСКИХ ДЕТЕЙ

Петербург и Владивосток разделяют тысячи километров. Собственно говоря, между этими двумя городами, названия которых знает каждый, лежит вся страна, вся огромная Россия. Между 1919 и 2010 годами расположился на ленте истории почти весь двадцатый век. Но если бы не было тех событий, которые произошли в 1919 году с моими бабушкой и дедушкой, то, скорее всего, не состоялось бы мое путешествие во Владивосток в 2010 году...

А началось все в мае 1918 года.

Петроград все больше терял прежде присущий ему облик блестящей имперской столицы. Голод, холод, угроза эпидемий и всеобщая неразбериха нарушили обычный ритм жизни города, который сохранялся даже в военные годы. Февраль и октябрь 1917-го не прошли даром. Ситуация была критическая, и отсутствие хлеба грозило гибелью тысячам петроградцев. Особенно тяжело приходилось детям, чьи растущие организмы постоянно требовали пищи.

В этот период уже официально упраздненные, но еще не до конца разогнанные большевиками общественные организации Союз городов и Российский Красный Крест, а также вновь созданный Наркомпрос (Народный комиссариат просвещения) объединили свои усилия для спасения петроградских детей.

Существовавшая с конца 19-го века система так называемых детских летних колоний (прообраз пионерских лагерей) показалась представителям этих организаций наилучшим способом спасти детей от тягот послереволюционной зимы. Специальные представители отправлялись в различные регионы страны, где ситуация с продовольствием была не столь плачевна, и устраивали там летние дачи для детей. Об организации летних колоний, к названию которых теперь прибавилось слово «питательные», сообщалось в газетах, а также объявлялось в учебных заведениях. Персонал для работы в колониях в течение трех летних месяцев нанимался в основном также среди школьных учителей и обслуживающего персонала. Эти люди довольно охотно соглашались на предложенные им условия, т. к. могли взять с собой собственных детей и иногда даже мужей и жен, если те были готовы выполнять необходимую работу. Родители платили сумму в 75 рублей за каждого ребенка, а если были в состоянии, то добавляли еще немного, что позволяло сделать скидки малоимущим семьям. Большие группы детей отправлялись в разные регионы, в частности, на Украину и в Поволжье.

Две группы (475 и 420 человек), о которых пойдет речь, предполагалось отправить в города Миасс (недалеко от Челябинска) и Петропавловск (Казахстан). Они выехали с Финляндского вокзала 18-го и 25-го мая 1918-го года в санитарных поездах. Еще на вокзале детей хорошо накормили, что весьма положительно повлияло на их настроение и позволило родителям со спокойной душой распрощаться со своими чадами на целых три долгих месяца. Груз заботы о том, где найти пропитание для детей, на время свалился с их плеч.

Так случилось, что именно в то время, когда первый эшелон с колонистами (так называли членов детских летних колоний) подходил к Челябинску, произошел небезызвестный чехословацкий мятеж и по сути дела началась гражданская война. Однако усилиями не растерявшихся воспитателей удалось договориться с чешскими представителями, в частности, с будущим генералом Гайдой, о том, что петроградских детей никто не будет трогать и они смогут жить в предназначенных для них помещениях в Миассе. Вторая группа, прибывшая через неделю, попала в более трудное положение, и ей пришлось отправиться вместо Петропавловска в пригороды Екатеринбурга.

Летний отдых начался, и поначалу все было очень хорошо. Но вскоре военные действия стали проходить все ближе к тем местам, где жили дети, и зачастую они становились невольными свидетелями ужасных сцен, которые даже взрослым было невыносимо наблюдать. Опасность пришла буквально на порог. Пули попадали в окна. Солдаты бесцеремонно заходили в спальни и тыкали штыками в набитые сеном матрасы, пугая детей. Воспитатели были в тревоге. К тому же лето кончалось, а вместе с ним заканчивались деньги, которые и так стремительно обесценивались. Обеды колонистов становились все менее сытными. В довершение всего некоторые помещения, в которых жили дети, стали забирать под госпитали.

Наступала осень, а о возвращении домой к 1 сентября не могло быть и речи. Пересечение линии фронта справедливо казалось воспитателям невозможным с учетом того, что с ними были малолетние

дети, и никто не мог взять на себя ответственность за их безопасность. Когда стало совсем холодно, а продовольствие закончилось, на помощь начали приходить местные благотворители и общественные организации. Но к началу зимы колония все равно была в плачевном состоянии.

Как бы сложилась судьба почти тысячи ребят, никто не знает. Но, к счастью, о них узнали представители Американского Красного Креста (АКК), штаб-квартира которого располагалась в далеком Владивостоке. АКК работал в составе Американской сибирской миссии под командованием генерала Гревса. Недавно вступивший в должность начальника АКК волонтер Райли Аллен (приехавший из далекого Гонолулу, где он был успешным журналистом в процветающей газете) случайно узнал о странных полубеспорядочных детях, обнаруженных на Урале. Аллен сумел отправить своих эмиссаров для выяснения ситуации, и вскоре ему доложили о бедственном положении петроградских колонистов.

С огромным трудом, преодолев непонимание и сопротивление многих официальных лиц, Аллен сумел отправить детям все необходимое, чтобы они смогли продержаться зиму и весну. А летом 1919-го года колонисты, перешедшие под опеку АКК, были отправлены под охраной американских солдат во Владивосток, так как Аллен, уже взявший на себя ответственность за колонию, не видел иного способа обеспечения безопасности детей. Власть переходила из рук в руки, большевики наступали. Старших мальчиков могли забрать в армию сначала «белые», а потом «красные». В случае слишком активных боевых действий ни одна воюющая сторона не стала бы особенно обращать внимание на безопасность оказавшихся на пути чужих детей. Поэтому было принято решение немедленно отправлять колонию на восток, подальше от боевых действий.

Эшелоны с колонистами прибыли во Владивосток уже к началу сентября 1919 года. Часть ребят была размещена в казармах на станции Вторая Речка. Остальные – на Русском острове. Помещения, в которых предстояло жить, были далеки от того, чтобы считаться комфортабельным жильем, но постепенно усилиями американского персонала, русских воспитателей и старших ребят им был придан относительно приемлемый вид, а со временем девочки умудрились даже создать какой-то уют. Во всяком случае, к зиме все были обеспечены надежной крышей над головой, спальными местами с постельным бельем, помещениями для занятий, столовыми и всем тем, что необходимо для более или менее нормальной жизни. На средства АКК и местных организаций колонистам шили одежду, обувь, покупали средства гигиены, медикаменты, учебные пособия, даже игрушки, к Рождеству шили карнавальные костюмы, дарили подарки. Детей вполне сытно кормили, причем в меню входили такие экзотические продукты, как консервированные ананасы, которых до этого никто никогда не видел. Все дети школьного возраста были распределены по гимназиям или училищам. Несколько самых старших колонистов даже поступили в университет (1). Старшие девочки, которым уже исполнилось 16 и 17 лет, были отправлены на курсы сестер милосердия. Были организованы мастерские, где мальчики и девочки могли учиться ремеслам. Моя будущая бабушка Ольга Копосова и ее сестра Женья научились очень хорошо шить именно в то время и не утратили этих навыков в дальнейшем, что я в полной мере испытала на себе в детские годы.

Мой будущий дед, попавший зимой 1918-го в Петропавловск, узнал о наборе юношей во Владивостокскую радиошколу и, отпросившись у воспитателей колонии (это было еще до появления в колонии представителей АКК), отправился с двумя товарищами во Владивосток, предварительно прибавив себе два лишних года с помощью ластика и чернил. Никто не обратил на это внимание, и через несколько месяцев матрос-электрик Юрий Заводчиков уже служил на эсминце «Инженер-механик Анастасов». А вскоре с удивлением узнал, что его друзья-колонисты волею судеб тоже оказались на берегу Тихого океана и живут в одном городе с ним. После целого ряда опасных приключений мой будущий дед решил больше не испытывать судьбу и вернулся в свою колонию. Он превратился из «бывалого» моряка и несостоявшегося партизана снова в «ребенка», потеряв приписанные себе два года, в которые уже успел сам поверить, потому что действительно повзрослел и возмужал.

Сравнительно мирная и спокойная жизнь колонистов, наполненная учебой, развлечениями, влюбленностями и всеми теми эмоциями, которые свойственны детству и юности, была омрачена лишь одним обстоятельством. Уже почти два года они практически не имели никаких сведений от своих родных, остававшихся в Петрограде и тоже почти ничего не знавших о судьбе своих детей. Один только раз, зимой 1918 года, два представителя родительского комитета сумели с огромным трудом пересечь несколько раз линию фронта и добраться до мест расположения колоний. Они привезли короткие

послания от родителей и увезли с собой в Петроград письма детей. С тех пор только отрывочные и очень противоречивые сведения о судьбе колоний просачивались в прессу. Многие родители уже не верили в то, что их дети живы. А дети хотели домой и постоянно спрашивали мистера Аллена, когда он их отправит к родителям. Он каждый раз обещал, что непременно сделает это, как только представится такая возможность.

К тому моменту, когда в апреле 1920 года японские войска заняли Владивосток, Аллен уже успел подготовить эшелоны для отправки детей по Транссибирской магистрали на запад, в Петроград. Но теперь ситуация резко изменилась. Американский Красный Крест должен был срочно свернуть свои дела и покинуть пределы России. Отправлять детей без охраны через всю огромную страну Аллен не мог. Оставалось одно: распрощаться с ними и выполнить распоряжение из Вашингтона – покинуть Владивосток. Сделать этого Аллен, конечно же, тоже не мог. Казалось, он был в безвыходном положении.

Но какое-то решение надо было принимать. И однажды русские воспитатели и американский персонал получили напечатанные на машинке письма на двух языках, в которых говорилось о том, что принято решение отправить колонию в Петроград морским путем – на судне через два океана. План казался фантастическим. Однако Аллену удалось зафрахтовать японский сухогруз с красивым и загадочным названием «Йомей Мару», который был, конечно, не приспособлен для перевозки людей – тем более детей и женщин. Но инженер, отправленный Алленом в Японию, сумел сделать невозможное – через полтора месяца сухогруз преобразился: на нем появились пересоборудованные под спальни твиндеки с хитроумной вентиляцией, столовые, лазареты, душевые, множество туалетов, прачечные, учебные комнаты, даже площадки для подвижных игр. Волшебный корабль вошел в бухту Золотой Рог в начале июля 1920 года и вскоре покинул порт Владивосток с необычными пассажирами на борту. Никогда в истории еще не бывало такого, чтобы восемь сотен детей путешествовали по океанам мало того что без родителей, так еще и без документов и виз.

Удивительное путешествие началось. Корабль детей посетил японский порт Муроран, затем отправился к берегам Калифорнии, где в Сан-Франциско дети провели 10 дней. Затем через Панамский канал «Йомей Мару» попал в Атлантический океан и прибыл в Нью-Йорк, где детей вновь встречала восторженная публика, как это было и в Муроране, и особенно в Сан-Франциско. Прекрасный прием и добросердечное отношение американцев и особенно выходцев из России к петроградским детям ни на минуту не заставили ребят забыть о цели их путешествия. Они стремились домой.

И вот осенью 1920 года они оказались в Балтийском море и вскоре получили разрешение остановиться в бывшем императорском санатории Халила на территории независимой Финляндии. А еще через несколько месяцев последний колонист пересек государственную границу между Финляндией и Россией, пройдя по шаткому полуразрушенному мостику через пограничную реку Сестру. Еще несколько часов пути на пригородном поезде – и вот он, Финляндский вокзал, с которого они уезжали на восток два с половиной года назад. Позади 36 тысяч километров пути по суше и по морю. Настоящее кругосветное путешествие, о котором можно было только мечтать и которого никто не мог предвидеть. Позади трудности и радости, знакомство с новыми друзьями, постижение реальной жизни с добром и злом, которое не имеет национальности, позади чужие страны и масса впечатлений. Впереди неизвестность. Но все же они дома, в родном Петрограде, куда так рвалась душа каждого...

Через 50 лет многие из них встретятся вновь, чтобы вспоминать и рассказывать другим об удивительной одиссее, о которой они старались не упоминать даже в годы хрущевской оттепели. Даже те, кто не расстались после возвращения и создали семьи или просто остались друзьями, держали язык за зубами. Но в начале семидесятых многое изменилось, и эта история появилась на страницах газет.

Прошли годы. Никого из участников тех событий уже нет в живых. Но потомки детей, спасенных когда-то Американским Красным Крестом, Райли Алленом и его сотрудниками, не могут забыть эту историю. Волнует она и тех, кто, казалось бы, не причастен к ней лично.

Об удивительной одиссее петроградских детей написаны книги, появился выставочный проект, который был представлен сначала в Петербурге, затем на Урале и в бывшем финском городе Койвисто (Приморск), а в этом году – во Владивостоке, где в рамках 8-го международного кинофестиваля «Меридианы Тихого» был также показан документальный фильм, снятый в 1989 году по сценарию Владимира Купермана.

Этот проект, объединивший ретро-показ фильма и выставку, созданную потомками колонистов, был инициирован музеем Института биологии моря им. А.В. Жирмунского Дальневосточного отделения Российской академии наук и поддержан Генеральным Консульством США во Владивостоке и двумя французскими организациями: Альянс Франсез и FREYSSINET, а также администрацией Приморского края, Приморским государственным объединенным музеем им. В.К. Арсеньева и публичной библиотекой им. А.М. Горького.

Участники фестиваля посетили остров Русский, где удалось сохранить стены старой казармы, в которой жили когда-то колонисты. Энтузиасты – сотрудники музея им. В.К. Арсеньева при творческой и организационной поддержке заслуженной артистки России Л.Д. Белобровой подготовили трогательную инсталляцию в полуразрушенном здании казармы, которую специально для этого расчистили от строительного мусора рабочие УСК «Мост».

Эти стены помнят детские голоса и завывание вьюги зимними ночами, и слезы детей, которые звали маму во сне, и смесь английской и русской речи, и напряженную тишину после известия о том, что в госпитале умерла маленькая Настя Альбрехт, чей папа приезжал зимой 1918-го в Петропавловск и отказался увезти с собой младшую дочь, несмотря на ее мольбы. Ведь он приехал, чтобы попытаться вернуть домой всех детей. Но не смог этого сделать, а потому не имел права вернуться только с собственной дочерью. Много драматических моментов и благородных поступков помнят эти стены... Их нельзя разрушить окончательно, потому что тогда мы разрушим историческую и человеческую память и отнимем у Русского острова часть его истории.

Необходимо сохранить и реставрировать это здание, чтобы создать в нем филиал музея им. В.К. Арсеньева, экспозиция которого будет посвящена Русскому острову, история которого не может быть полной без рассказа о петроградских детях и о тех, кому они обязаны были своим чудесным спасением и возвращением домой.

Сбывшаяся мечта многих лет – поездка во Владивосток, где когда-то жили мои родные, была продолжением моих исследований, связанных с написанием документальной повести об этой удивительной одиссее. Я хочу надеяться, что когда-нибудь вернусь в этот замечательный приморский город, проеду по новому грандиозному мосту на Русский остров и войду в музей, где вновь встречу с героями своей книги, с памятью о них. Ведь если дороги должны вести к храмам, то мосты должны соединять прошлое и будущее...

ПРИМЕЧАНИЕ ОТ РЕДАКЦИИ:

(1). Государственный Дальневосточный университет (ГДУ) был открыт в 1920 году.